

Попов Виталий Владимирович

ОСОБЕННОСТИ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТЕ

В статье представляется философское осмысление специфики постнеклассического понимания рациональности. Показывается, что в условиях постнеклассической науки и глобального характера социальных изменений требуются принципиально иные ментальные ориентации человека в рамках его жизнедеятельности. Демонстрируется, что ориентация на целесообразность остается доминирующим направлением в поиске определяющего принципа рациональности. Постулируется, что любой тип рациональности включает такие характеристики социального бытия, которые базируются на социальных процессах и расставляют приоритетные акценты при построении схем социального мироздания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/3-1/36.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (29): в 2-х ч. Ч. I. С. 131-135. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Анненков К.** Система русского гражданского права. Отдельные обязательства. СПб., 1904. Т. 4.
2. **Гурочкин Ю. Д., Соседко Ю. И.** Судебная медицина: учебник. М., 2008.
3. **Журнал Министерства Юстиции.** 1867. Кн. 5.
4. **Победоносцев К.** Курс гражданского права. Договоры и обязательства. СПб., 1896. Ч. 3.
5. **Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ).** СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собр. 1. Т. X. Ч. I. Ст. 2229-2232.
6. **Растряев Н.** Недействительность юридических сделок по русскому праву. Часть общая и часть особенная. Догматическое исследование. СПб., 1900.
7. **Формаковский В. И.** Законы о гражданских договорах и обязательствах. СПб., 1884.
8. **Фрейберг Н. Г.** Врачебно-санитарное законодательство в России. Узаконения и распоряжения правительства по гражданской, медицинской, санитарной и фармацевтической частям, опубликованные по 1 января 1908 г. СПб., 1908.
9. **Хрестоматия по истории государства и права СССР / под ред. Ю. П. Титова и О. И. Чистякова.** М., 1990.
10. **Шаблова Е. Г.** Гражданско-правовое регулирование отношений возмездного оказания услуг: дисс. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2003.
11. **Шершеневич Г. Ф.** Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 года) / вступ. ст. Е. А. Суханова. М., 1997.

**MEDICAL CONTRACT INSTITUTION FORMATION IN THE RUSSIAN CIVIL LAW
(HISTORICAL-LEGAL AND CIVIL-LEGAL ASPECTS)**

Pechnikova Ol'ga Glebovna, Ph. D. in Law, Associate Professor
Russian State University of Oil and Gas named after I. M. Gubkin
lex1881@mail.ru

Pechnikov Andrei Pavlovich, Doctor in Law, Professor
Russian State Classical University
lex1881@mail.ru

The authors discuss the formation of medical contract institution; show its evolution from the XIIth century till the beginning of the XXth century, when employment contract was finally formed in the Russian civil law as an independent civil-legal structure, which became a prototype of the modern paid services contract, including health care; use the works of the famous civil lawyers of pre-revolutionary Russia, which are little studied by law historians, and substantiate the thought about the close interconnection between the studied native contract with the ancient Roman traditions.

Key words and phrases: contract; employment; medicine; medical college; statutes; rules; doctor; physician; civil law.

УДК 316.3

Философские науки

В статье представляется философское осмысление специфики постнеклассического понимания рациональности. Показывается, что в условиях постнеклассической науки и глобального характера социальных изменений требуются принципиально иные ментальные ориентации человека в рамках его жизнедеятельности. Демонстрируется, что ориентация на целесообразность остается доминирующим направлением в поиске определяющего принципа рациональности. Постулируется, что любой тип рациональности включает такие характеристики социального бытия, которые базируются на социальных процессах и расставляют приоритетные акценты при построении схем социального мироздания.

Ключевые слова и фразы: постнеклассическое понимание рациональности; глобальный характер социальных изменений; целесообразность; характеристики социального бытия; метасознание; степень рациональности.

Попов Виталий Владимирович, д. филос. н., профессор
Таганрогский государственный педагогический институт
vitl_2002@list.ru

**ОСОБЕННОСТИ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ
В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТЕ[©]**

Неклассический тип рациональности полагает осознание субъектом события, которое оставляет некоторый след на результатах опытного познания. В этих случаях познание выступает как нечто безусловное по отношению к содержанию опыта. Вместе с тем обратим внимание на то, что неклассический тип рациональности принимает тезис о культурно-исторической обусловленности самого познающего сознания. В этом контексте обратимся к анализу тех основных, явных допущений относительно бытия сознания, которые содержатся в классическом и неклассическом типах научной рациональности.

Классическая наука в лице, прежде всего, представителей естествознания выработала определенное представление об объективности познания и те требования, которым должна удовлетворять деятельность познающего субъекта. В этой связи весьма интересной представляется концепция теории идиолов, в которой указываются необходимые условия объективного познания природы с точки зрения своеобразного очищения познания от предрассудков, мешающих адекватному действию объективных законов природы (Ф. Бэкон). Классическая наука, таким образом, основывается на идее трансцендентного, неопределенного, безусловного сознания как условия возможности объективного познания. Субъект с таким сознанием не определен в пространстве и времени не только культурно-исторического бытия, но и бытия физического мира в целом, то есть данный субъект не имеет своего локального места и своего индивидуального времени; чтобы стать субъектом научного познания, человек должен утратить все человеческое и стать «бесчеловечным».

Обратим внимание на ряд интересных феноменов в классической науке, в которых отражено бытие неопределенного сознания; эти феномены весьма четко зафиксированы в механике Ньютона. К ним в первую очередь относятся представления об абсолютном пространстве и абсолютном времени; при этом абсолютное пространство и абсолютное время, например, в классической физике, символизируют структуру метасознания: метасознание объективирует предельные основания своего существования, полагая их в качестве символически существующих границ мира. Вместе с тем сознание обладает конструктивными возможностями, благодаря которым формируются объект познания и знание объекта. Дополнением И. Канта к не-трансцендентности классической науки является детрансцендентность субъекта. Принципиальной особенностью последнего является неопределенность его бытия. Трансцендентальное сознание имеет, по мнению И. Канта, безусловный и спонтанный характер, который определяет собственные законы деятельности человека, его мышления, его автономность. Довольно распространенным является мнение о принципиальном отличии классической и неклассической науки. Основания для такого мнения хорошо известны, ибо они широко обсуждались в философской литературе. Гораздо меньше внимания привлекают общие основания обоих типов научного исследования. Одним из них является признание существования метанаблюдателя и соответствующего метасознания. В этой связи следует обратиться к теории относительности А. Эйнштейна и квантовой физике. Такие интенции означают, что как в классическом, так и в неклассическом типе рациональности предполагается существование метасознания. В классической науке оно полагается, по сути, тождественным сознанию каждого познающего индивидуума. Индивидуальное сознание наблюдателя является более или менее точной копией метасознания, то есть сознания абсолютного трансцендентного субъекта. В неклассической науке картина сложнее: здесь признается и существование метасознания, и существование множества самостоятельных индивидуальных сознаний наблюдателя, которые не являются копиями одного метасознания. Более того, в отличие от классического типа научной рациональности, где переход индивидуального сознания в состояние метасознания может быть осуществлен непрерывным образом, в неклассическом типе научной рациональности переход от индивидуального сознания к метасознанию осуществляется скачком и связан с кардинальным изменением форм репрезентации действительности.

«Переход от классического к неклассическому естествознанию был подготовлен изменением структур духовного производства в европейской культуре второй половины XIX – начала XX века, кризисом мировоззренческих установок классического рационализма, формированием в различных сферах духовной культуры нового понимания рациональности, когда сознание, постигающее действительность, постоянно наталкивается на ситуации своей погруженности в саму эту действительность, ощущая свою зависимость от социальных обстоятельств, которые во многом определяют установки познания, его ценностные и целевые ориентации» [7, с. 349].

«В современную эпоху, в последнюю треть нашего столетия, мы являемся свидетелями новых радикальных изменений в основаниях науки. Эти изменения можно охарактеризовать как четвертую глобальную научную революцию, в ходе которой рождается новая постнеклассическая наука» [9, с. 632].

В рамках изучения онтологических вопросов важно подчеркнуть, что исследователь имеет дело с такими ситуациями, когда проблема человеческого существования связана с некоторыми личностными усилиями, с проблемами установленного порядка и другими экзистенциальными проблемами, которые играют решающую роль в определении места самого человека в мире и возможностей понимания им своей сущности. В этом случае постнеклассическая наука делает акцент на том, что на одну из приоритетных позиций выходит проблема ответственности человека, причем не только за самого себя, но и за тот мир, который им конструируется. Так, по мнению В. С. Швырева, «рациональным поведением с точки зрения подобного типа сознания является наиболее успешное решение возникающих перед людьми задач в непреложно заданных рамках внешней социальной детерминации. Рациональность связывается при этом исключительно с адаптационным поведением. Иначе говоря, рациональность в деятельности связывается исключительно с целесообразностью, но не с целеполаганием» [10, с. 15].

В условиях постнеклассической науки и глобального характера социальных изменений настоятельно требуются принципиально иные ментальные ориентации человека в рамках его жизнедеятельности. При этом тема рациональности в различных формах поведения и действия, как и в стремлении к соучастию в сотворении новых смыслов, становится одной из главных в духовной жизни человека. Проблема состоит не только в том, чтобы сформировать принцип рациональности в качестве последовательности образцов деятельности, но и в том, чтобы обозначить своеобразные ориентации, соразмерные человеческому существу с точки зрения необходимого и возможного в отношении к самому себе, к созданному им миру, ко всему тому, что имеет выход на проблему, которая в постнеклассической науке ориентирована на ключевое понятие «жизнь». В настоящее время речь идет об осмыслении предельно допустимых нагрузок в отношении

человека и мира, и если перевести этот тезис в русло социальной прагматики, то речь пойдет об оптимизации и эффективности отношений человека и мира, общетеоретическое выражение которых будет содержательным моментом рациональности, то есть рациональное, а значит, эффективное и оптимальное.

Ориентация на целесообразность остается доминирующим направлением в поиске определяющего принципа рациональности. Степень рациональности определяется оптимальным соотношением элементов целостного деятельностного подхода и его результативностью. Сфера духовной жизни не исключение. В ней также господствуют целесообразность и оценка всякого рода духовных интенций с точки зрения их результативности. Это и есть технологическая трактовка рационального. Ее конкретная форма, способы выражения рациональности могут быть определены установлением разумом цели конкретной деятельности человека в рамках намеченной им прагматической деятельности до разумного использования результатов подобной деятельности.

Само определение рационального как конструирования значимых жизнеобразующих структур активности человека предполагает выявление степени вписанности самого человека в мирообразующие взаимосвязи, взаимодействия, причем такой постоянной вписанности, в рамках которой возможно возникновение смысла социальности. Связывая природу рационального с возникновением смысла в рамках социальности, следует подчеркнуть предопределенность рационального по отношению к любым исходно сконструированным схемам, которые сами лишь являлись продуктами в ранее сложившихся типах рациональности. Обратим внимание на то, что вопрос о рациональности философии – это вопрос о переходе как некотором акте еще не рационализированного рационального при том условии, что сам акт является рождением некоторого нового смысла. Вопрос об осмыслении проблемы рациональности трансформируется в вопрос о поиске тех точек соприкосновения, в рамках которых происходит качественное изменение духовных ценностей человека в контексте постнеклассической рациональности. Однако важно учитывать, что происходит тогда, когда один тип рациональности заменяется другим, каковы условия, которые накладывают ограничения на сами изменения рациональности, позволяющие говорить об их радикальной смене.

В современной философии обычно речь идет об определенных универсальных характеристиках человеческого бытия, к которым можно отнести следующие: топологические многообразные пространственные отношения и размерность; локальное состояние реальности; многообразие временных размерностей любых видов социальной реальности, включая многомерность самого понятия социального времени; многообразие инвариантов в любых состояниях социальной реальности; техническое многообразие связей и отношений в искусственно создаваемых системах; многообразие форм человеческих отношений и способность существования различных социальных явлений; различие ментальных структур и духовных образований в общественной жизни; построение глобальных схем некоторых будущих состояний жизнедеятельности самого человека.

Любой тип рациональности включает такие характеристики социального бытия, базируется на них и расставляет приоритетные акценты при построении схем социального мироздания.

Обратим внимание на то, что десубстанционализация человеческого разума через многообразные формы теоретического мышления в сфере противоречий общественной жизни привела к представлениям о культурной обусловленности самой рациональности, способом существования и критерием оценки которой была общественно-историческая практика, выступающая как форма социального бытия человека и одновременно служащая истоком всех вновь создаваемых феноменов общественной жизни, включая и предполагаемую социальную рациональность. Данный концепт фактически мыслится как функция, рассматривающая социальные реальности на основе ранее сложившихся форм и типов рациональности. В этой связи, поскольку фактором, инициализирующим различия и разнообразные состояния общественной жизни в рамках стабильности и неравновесия, выступает прогрессирующая человеческая активность в форме преобразующей деятельности, то и рациональность оказалась преимущественно технической, и в итоге речь идет о некоторой технической или экспериментальной программе, подлежащей реализации в рамках указанных характеристик.

Постановка проблем постнеклассической рациональности была обусловлена солидными по своей значимости изменениями в обществе и его структуре, демонстрирующими нарастающую зависимость динамики научного познания от различного рода социальных и культурных воздействий. С другой стороны, вследствие серьезных успехов в области социального познания современная методология социально-гуманитарного познания все в большей мере ориентируется на социально-историческую точку зрения, гуманитарную направленность в рамках осознания методологической составляющей в процессе социально-гуманитарного познания. Сами процессы гуманитаризации вообще и гуманизации в рамках постнеклассической науки вызвали в последнее время серьезные трансформации в понимании и формировании гносеологических моделей социальных прогнозов. Особое место в этой связи принадлежит различным подходам к пониманию характера рациональности в социально-гуманитарном познании эпистемологических изменений, в рамках которых подчеркиваются переходы к проблемам парадигмального характера с учетом позиций В. С. Степина и В. С. Швырева. На первый план выходит некоторая аналогия по соотношению классической и постнеклассической рациональностей в рамках социально-гуманитарного познания.

1. Классическая рациональность основывается на вере во всевластие человеческого разума и объективность универсального миропорядка и в конечном счете направлена на создание универсально-социальной концепции, охватывающей все стороны общественной жизни в рамках человеческого социума. В постнеклассической же рациональности утверждается универсальность субъективности, а поэтому она не является строго теоретичной, ибо рациональное описание и нормативы конкретных сторон социальной жизни могут складываться в относительно целостный образ.

2. Определенным критерием научности в классической рациональности выступает построение идеальных объектов, которые не могут быть созданы на уровне массового сознания социальных субъектов. На наш взгляд, в этой ситуации исследователь «поднимается» над массовым сознанием, а позиция чего-либо абстрактного в этом смысле дает возможность рассматривать истинность конструирующих сентенций. Постнеклассическая рациональность ориентирована на исследование оснований специализированного научного знания с учетом структур повседневного мира.

3. В рамках классической рациональности социальное познание с выбранной схемой достижения цели фактически определяет действие как либо рациональное, либо нерациональное. В подобной ситуации проблематизируется социальная эффективность самого понятия «рациональность». При этом исследование различных форм рациональности, которым в действительности соответствуют реально действующие субъекты, позволит рассматривать их как некоторые синонимы вариативности самого поведения познающего субъекта в соответствии с многообразием индивидуальных человеческих миров.

4. В рамках классической рациональности следует говорить о максимальной эффективности или строгости по отношению к проблеме выявления значимости понятия, поскольку классическая и неклассическая науки отрицают, что в рамках определения того или иного концептуального аппарата необходимо прежде всего стремиться к ликвидации некоторой расплывчивости, многозначности тех или иных терминов. В рамках постнеклассической рациональности термин служит для обозначения нового понятия, обладает своеобразной сферой значения. Трудности исследователя в этом случае связаны с уточнением и нахождением этой сферы посредством изучения вопроса о концентрации тех значений, которые будут связывать формирование самого объема и содержания понятий с тем изначальным содержанием, которое в конечном счете будет представлено в человеческом опыте.

5. Постнеклассическая рациональность утверждает, что в современных условиях человек вынужден в некоторых стандартных ситуациях знать стандартную форму поведения и некоторые стратегии поведения принимать на веру.

Постнеклассическая рациональность нашего времени соответствует определенным социальным запросам на соответствующие методологии социального анализа, позволяющие обеспечивать так называемый диалог культур, культурные трансформации и культурное посредничество. Однако следует иметь в виду, что современное социально-гуманитарное познание должно опираться на принципы взаимодополнительности, так как обращение к классической науке предполагает обращение именно к классическим вариантам эвристических и регулятивных проблем, представляющих интерес для современной постнеклассической науки. При классическом реалистическом подходе упорядоченное структурирование социального пространства полагается на некоторую целостность действительности и в конечном счете обнаруживает ту связанность, которая налагается не только на общество в целом, но и на его отдельные социальные структуры. Постнеклассическая рациональность перемещает свой акцент на те, может быть, не всегда в реальном виде обозначенные моменты, которые в итоге определяют характеристики человека по отношению к некоторым наиболее важным окружающим факторам; то есть при такой постановке вопроса речь идет прежде всего об институциональных моментах; в данном случае особое значение приобретают познавательные, экономические и политические структуры.

Постнеклассическая действительность раскрывается перед человеком настолько, насколько активна его деятельность по отношению к этой действительности, то есть предметы и субъекты деятельности, включаясь в процесс активной познавательной человеческой деятельности, становятся вовлеченными в эту познавательную деятельность тогда, когда субъект непосредственно обратился к действительности, а возможно, и познал ее наиболее общие связи, законы и закономерности.

Следует принимать во внимание ситуацию самого действующего познающего субъекта, его установки, его теоретико-познавательные возможности, его общую мировоззренческую позицию, его обладание методологией научного познания и исследования, его общие сферы взаимоотношений с окружающим миром, а также отношения познающего субъекта к своему собственному миру и возможности вести диалог с внутренним миром других людей.

Список литературы

1. Аршинов В. И. На пути к квантовой эпистемологии // Проблемы методологии постнеклассической науки. М., 1992. С. 32-37.
2. Ахиезер А. С. Философские основы социальной культурной теории и методологии // Вопросы философии. 2000. № 9. С. 12-19.
3. Башляр Г. Научный рационализм. М. – СПб., 2000. 395 с.
4. Гайденок П. П. Научная рациональность и философский разум. М., 2003. 523 с.
5. Гайденок П. П. Проблема рациональности на исходе XX века // Рациональность на перепутье. М., 1999. Т. 1. С. 5-27.
6. Никифоров А. Л. Соотношение рациональности и свободы в человеческой деятельности // Рациональность на перепутье. М., 1999. С. 295-313.
7. Степин В. С. Интервью журналу «Вопросы философии». По «гамбургскому счету» // Философия, наука, цивилизация. М., 1999. С. 349-358.
8. Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 5-17.
9. Степин В. С. Теоретическое знание. М., 2000. 744 с.
10. Швырев В. С. Рациональность как ценность культуры. М., 2003. 160 с.

FEATURES OF POST-NON-CLASSICAL RATIONALITY IN SOCIAL-PHILOSOPHICAL CONTEXT

Popov Vitalii Vladimirovich, Doctor in Philosophy, Professor
Taganrog State Pedagogical Institute
vitl_2002@list.ru

The author presents the philosophical interpretation of the specificity of the post-non-classical understanding of rationality, shows that under the conditions of post-non-classical science and the global character of social changes the fundamentally different mental orientations of the person are required within his life, demonstrates that orientation to reasonability remains a dominant direction in the search for the defining principle of rationality, and postulates that any type of rationality includes such characteristics of social being, which are based on social processes, and put emphasis on the construction of social universe schemes.

Key words and phrases: post-non-classical understanding of rationality; global character of social changes; reasonability; characteristics of social being; meta-consciousness; degree of rationality.

УДК 17.022.2

Философские науки

В настоящей статье рассматривается проблематика городских пространств, их символических и политических сторон; производится анализ генезиса политизации жилого и рабочего пространства, а также последствий этой политизации – как уже существующих, так и вероятных в дальнейшем. Основная задача статьи – рассмотреть, на какие именно аспекты индивидуального и социального бытия данная политизация оказывает влияние, каким образом она трансформирует ткань социальной реальности, какие диспозиции имманентного и трансцендентного она устанавливает в отношении личности и общества. Данный анализ осуществляется с опорой на тексты Мишеля Фуко («Око власти») и Герберта Маркузе («Эрос и цивилизация»).

Ключевые слова и фразы: политизация пространства; город; фантазия; власть; прозрачность; контроль.

Рахманинова Мария Дмитриевна, к. филос. н.
Национальный минерально-сырьевой университет «Горный»
Nordseeinsel@yandex.ru

ГОРОД КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ЭТИМОЛОГИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ[©]

Политические процессы современной России, безусловно, не являются чем-то абсолютно беспрецедентным для её истории. То, что о них говорят и пишут во всём мире, всегда было в той или иной степени характерно для этого государства: консерватизм, авторитаризм, милитаризм, патриархат, централизованность, державность, клерикализм и многое другое. Все эти черты – привычное ядро, существо российской государственности. Однако частности этого вопроса заставляют обратить нас внимание на то, что за последнее десятилетие крайне многое изменилось – методологически и тактически. Эти локальные метаморфозы предопределили, в свою очередь, новые производные от исходного идеологического вектора, укрепив и защитив его завесой неуловимости, что сделало сопротивление ему крайне проблематичным. Одну из таких частности мы рассмотрим в настоящей статье. Речь пойдёт о курсе на принципиальную реорганизацию пространства – в том числе в современной России – и о том, каким образом эта реорганизация может представлять опасность.

Для начала обратимся к исследованиям на эту тему, проведённым в XX веке Мишелем Фуко. В своём тексте «Око власти» он анализирует генезис властных отношений от их исходных форм до современных. Область, исследуемая им в ключе этого вопроса – архитектура и организация внутренних пространств зданий.

Фуко пишет: «Вторую половину XVIII века людей преследовал страх: страх тёмного пространства, возбуждаемый завесой темноты, непонятности, препятствовавшей полной видимости вещей, людей, истин. Было необходимо рассеять остатки тьмы, противостоящие свету, сделать так, чтобы в обществе не было никакого тёмного пространства... Власть, главной движущей силой которой станет общественное мнение, не сможет терпеть ни одной затенённой области. И если замысел Бентама привлек к себе внимание, то это произошло потому, что он давал применимую к большому числу различных областей формулу, так сказать, “власти через прозрачность”, покорения посредством “выведения на свет”» [5, с. 133].

В самом деле, именно с XVIII начинается повсеместное экспериментирование в области организации обитаемого пространства, что впоследствии вызовет к жизни принципиально новые формы социальной политики. Так, например, к XX веку оно приведёт к возникновению феномена концентрационных лагерей – как временных